

О.Ф. ОРИШЕВА

МАРКИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОЕКЦИИ И МЕТАМОРФОЗЫ

Реконструируются основные этапы политической и интеллектуальной истории западного марксизма. В центре внимания также оказываются: проблема аутентичности марксизма, связанная с крайней гетерогенностью марксистской теории, и вопрос релевантности Марковского наследия в современных условиях.

The article is aimed at systematic reconstruction of intellectual and political history of western marxism. While exploring the issue of evolution of marxism this paper also considers the problem of authenticity of its various versions and analyses the question of marxian legacy relevance today.

Говорить о марксизме как таковом без привязки к конкретным координатам места и времени очень сложно, так как история и география этого феномена чрезвычайно обширны. Даже простое перечисление и краткая характеристика персоналий и течений, которые так или иначе ассоциируются с данным термином, заняли бы, пожалуй, весь объем этой статьи. В ней нет претензии на то, чтобы дать исчерпывающий анализ и представить полную панораму марксистской мысли, речь скорее идет о том, чтобы составить предварительную «топографию», позволяющую как-то сориентироваться в этом громадном политическом и интеллектуальном пространстве. С другой стороны, представляется необходимым дать корректный ответ на вопрос о том, «жив» ли марксизм сегодня, является ли он всего лишь идеологическим реликтом, напоминанием о провале «советского» проекта или по-прежнему остается реальной интеллектуальной, а возможно, и политической силой.

Амплитуда оценок марксизма в литературе последних лет предельно широка: он рассматривается как идеологический оплот тоталитарных режимов и в то же время как непреходящий источник вдохновения для левой радикальной мысли, как интегральная часть социальных и гуманитарных наук второй половины XX в. и, с другой стороны, как всего лишь памятник мысли века XIX, концептуальный аппарат, разработанный Марксом для анализа капитализма, расценивается либо как безнадежно устаревший, либо как по-прежнему актуальный¹. На постсоветском пространстве ситуация осложняется еще и тем, что доминирование так называемого «марксизма-ленинизма» зачастую не только ассоциируется с практикой массового геноцида, административно-командной системой и плановой экономикой, но оценивается как фактор, приведший к значительным негативным последствиям в сфере интеллектуальной активности. Не считая немногих, хотя и чрезвычайно значимых исключений (работы М. Мамардашвили, Э. Ильенкова и др.), марксизм практиковался как своего рода «школьная» философия, за силье которой, с одной стороны, стало причиной накопления интеллектуального раздражения (в силу невозможности нормально, без постоянных реверансов по отношению к «классикам», работать в рамках иных фило-

софских парадигм), а с другой – создавало благоприятные условия для симуляции мыслительной работы. Вслед за Валерием Подорогой можно говорить о формировании у советских интеллектуалов от философии своего рода «марксистской телесности»², в силу чего обвал коммунистической идеологии и общая дискредитация марксизма были многими восприняты как биографический факт. Одной из реакций на эту болезненную ситуацию стало резкое, по большей части теоретически немотивированное отторжение. По всей видимости, пик жарких дебатов, в рамках которых речь нередко велась об «уголовной наказуемости» марксизма, приходится на рубеж 1980-х и 1990-х, и в то время достичь взвешенной позиции было довольно трудно. Сейчас, когда страсти поутихли, есть некоторые признаки того, что трезвый академический интерес к марксизму является не только возможным, но и востребованным.

Действительно, марксизм как теорию можно отделить от его конкретных политических воплощений лишь искусственно, так как он стал частью не только мыслительного, но и исторического ландшафта. Однако, несмотря на сложную политическую судьбу своего учения, Маркс был и остается одной из самых значимых фигур в историко-философском ряду – фигур, о которых принято говорить как о «первооткрывателях», «основоположниках», «провозвестниках». Его имя наряду с именами двух других «мэтров подозрения» Фрейда и Ницше связывают с парадигмальным сдвигом в понимании сознания, который маркирует переход от восходящей к Декарту классической «онтологии ума» к радикально новой версии *cogito*³.

Перечень заслуг Маркса как мыслителя можно продолжать еще долго, однако хотелось бы акцентировать другой момент – крайнюю гетерогенность его учения, связанную со значительной эволюцией автора, наличием теоретических разрывов между отдельными работами, разнообразием трагиваемых тем, незавершенностью многих произведений. Таким образом, вопреки авторитетному мнению Ленина марксизм не является цельным учением, «вылитым из одного куска стали», похоже, что общепотребимое противопоставление «раннего» Маркса «зрелому» отнюдь не исчерпывает многообразия его концептуальных построений. Сюда следует присовокупить тот «эмпирический», но весьма значимый с точки зрения культурной рецепции марксизма факт, что труды основоположника исторического материализма публиковались и переводились в разных странах несинхронно, с большими перерывами и запаздываниями, кроме того, не будет большим преувеличением сказать, что работа по изданию полного Марксова наследия не завершена до сих пор⁴.

Все это, с одной стороны, заставляет нас задуматься о том, осуществима ли аутентичная реконструкция некоей подлинной сущности марксизма, можно ли говорить о ней в принципе, и, с другой стороны, обратиться к его длительной и непростой истории, чтобы прочертить ее основные линии и траектории.

После смерти Маркса в 1883 г. его учение главным образом разрабатывалось политически ангажированными интеллектуалами, основной целью которых была его практически значимая систематизация и приспособление для нужд рабочего движения. Как пишет П. Андерсон, «великий мыслитель оставил после себя строгую и разработанную экономическую теорию капиталистического способа производства, изложенную в «Капитале», но он не оставил сравнимой с ней политической теории структур буржуазного государства или стратегии и тактики революционной социалистической борьбы партии рабочего класса за его свержение (...) К тому же, и это был еще больший пробел для современников, Маркс так и не дал никакого широкого обобщенного изложения исторического материализма как такового»⁵. Основным полем деятельности «классических» марксистов первого поколения (А. Лабриола, Ф. Меринг, К. Каутский, Г. Плеханов) стало продолжение ра-

боты, предпринятой Энгельсом в поздний период его жизни, т. е. разработка общих философских положений марксизма и его пропаганда как реальной альтернативы «буржуазному» мировоззрению. Несмотря на то что у каждого из них был достаточно богатый опыт политической активности, гораздо более ярким воплощением тезиса о единстве теории и практики становится деятельность представителей второй волны «классического» марксизма, к которым относятся Р. Люксембург, Р. Гильфердинг, Л. Троцкий, О. Бауэр и, конечно же, В. Ленин. Именно «этому поколению теоретиков предстояло сыграть ведущую роль в руководстве соответствующими национальными партиями – роль, намного более решающую и активную, чем та, которая выпала на долю их предшественников»⁶. Период с конца XIX в. до начала Первой мировой войны стал временем появления многочисленных работ экономического характера, в которых (с опорой на «Капитал») исследовались новые реалии капитализма, и одновременно – временем рождения политической марксистской теории, наиболее масштабно представленной у Ленина. На данном, «классическом» этапе марксизм занимает по отношению к европейской культурной жизни, одним из важнейших институциональных воплощений которой остается академическая среда, маргинальную позицию, он не то чтобы не оказывает на нее реального воздействия, а просто находится за ее пределами, локализуясь в сфере политики.

В период 1920–1930-х гг., после того как сталинский колпак накрыл сверху советскую культуру и когда стало очевидным, что с узурпацией власти в России советским бюрократическим аппаратом революции, по сути, завершилась, марксизм развивался преимущественно на Западе, в стороне от реальной политической практики. В этом отношении весьма показательной является личная судьба трех теоретиков, которые считаются основоположниками так называемого «неомарксизма» («западного марксизма»): «одиночество и смерть Грамши в Италии, изоляция и эмиграция Корша в США и Лукача в СССР ознаменовали конец периода, на протяжении которого западный марксизм еще владел умами масс»⁷.

Поражение на политическом фронте открывает новую страницу в истории марксизма, связанную с его становлением в качестве мощной интеллектуальной традиции. Если до Первой мировой войны теоретики-марксисты никогда не были интегрированы в университетские системы Центральной и Восточной Европы, то на новой фазе своего развития марксистская теория почти целиком перемещается в университеты⁸. Как пишет о мыслителях нового поколения Сьюзан Джеймс, «в отличие от своих предшественников они увидели в осуществленной Марксом работе не столько источник предсказаний будущего или же учебное пособие для революционеров, сколько развитие плодотворной и внушительной объяснительной теории»⁹. Примечательно, что общее направление, в котором трансформировался западный марксизм, было противоположным эволюции самого основателя исторического материализма: как известно, в творчестве Маркса философская проблематика постепенно вытеснялась исследованиями экономических вопросов, единственное исключение, пожалуй, составляет относящееся к позднему периоду «Предисловие к "Критике политической экономии"», которое, однако, трудно рассматривать как заверченный труд. Таким образом, он не оставил после себя сколько-либо значительной работы, где в систематизированном виде была бы представлена собственно его «философия». В итоге перед западными исследователями, не слишком доверявшими интерпретациям Энгельса, открывалась широкая перспектива компенсировать отрывочный характер изысканий Маркса посредством развертки философских импликаций, содержащихся в его работах. В отличие от своих «классических» предшественников, несколько упрощенные толкования которых были отягощены «практическим» интересом, неомарксисты создают построения весьма высокого уровня концептуальной и вербальной изо-

щренности, отнюдь не предназначенные для широких масс. При этом, несмотря на достаточно выраженную ретроспективную обращенность своей мысли, они в подавляющем числе случаев используют тексты Маркса скорее как теоретический ориентир (иногда – один из ориентиров) для самобытного философствования в новых исторических условиях.

Пытаясь осмыслить невероятное многообразие и непохожесть концепций, которые мы объединяем под рубрикой западного марксизма, П. Андерсон выделяет два основных направления, по которым происходила его пролиферация, – «вертикальную», генеалогическую ось и «горизонтальную» ось заимствований. С одной стороны, в силу того, что сам Маркс никогда не ставил своей целью последовательное преодоление (или продолжение) предшествующей метафизической традиции, обращение к нему как к философу делало установление интеллектуальной преемственности важной исследовательской задачей. Первой масштабной попыткой такого рода стала работа Лукача «История и классовое сознание», которая «реабилитировала» гегелевскую философию как один из важнейших теоретических источников воззрений Маркса. В целом же диапазон мыслителей, привлекавшихся в качестве философских предшественников исторического материализма, был весьма широким: Макиавелли (у А. Грамши), линия «Аристотель – Галилей – Юм» (у Г. Делла Вольпе), Кант и Руссо (у Л. Коллетти), Спиноза (у Л. Альтюссера). С другой стороны, марксизм в его западном варианте оказывается весьма восприимчивым к влиянию таких «еретических» направлений, как веберизм (представители Франкфуртской школы), психоанализ в различных его версиях («франкфуртцы», фреда-марксизм, Л. Альтюссер), структурализм (Л. Альтюссер), экзистенциализм (Ж.П. Сартр, М. Мерло-Понти). Разнообразие точек отсчета и философских привязанностей приводит к размыванию границ ортодоксии и делает общую картину весьма пестрой, так что считать неомарксизм традицией или единым течением можно только при некоторых оговорках.

Уместно ли в данном случае говорить об аутентичности или неаутентичности той или иной (ре)конструкции марксизма? Представляется, что ответ можно обнаружить в проницательной работе Мишеля Фуко «Что такое автор?», в которой Маркс наряду с Фрейдом наделяется особым статусом «основателя дискурсивности». «Особенность этих авторов состоит в том, что они являются авторами не только своих произведений, своих книг. Они создали нечто большее: возможность и правило образования других текстов»¹⁰. Другими словами, тексты Маркса и Фрейда настолько многомерны и необычны для своего времени, что не умещаются в собственных рамках и проецируют совершенно новое, ранее немыслимое предметное поле, которое становится горизонтом работы для возможных последователей. Но самое интересное состоит в том, что произведения таких авторов «с большой буквы» создают не только матрицу для воспроизводства и расширения определенного типа дискурса, но и провоцируют ряд различий и несогласий, т. е. задают условия возможности самых разных, подчас противоречащих оригиналу интерпретаций. Более того, можно сказать, что новое проблемное пространство живо и действительно до тех пор, пока в нем существует своего рода двунаправленное движение притяжения и отталкивания – постоянное стремление к оригиналу, реализующееся в попытке его радикального перепрочтения. Представляется, что мыслительная конструкция Фуко очень удачно схватывает такую особенность марксизма, как саморефлексивность, стремление к критическому пересмотру собственных оснований, поэтому признаком аутентичности здесь выступает именно неупразднимое многообразие концепций, сочетающих в себе определенное этическое отношение к «истoku» с реальной способностью сказать что-то новое.

Говорить в этой связи о так называемом «пост-марксизме» гораздо сложнее, так как в данном случае отношение к традиции выглядит еще бо-

лее парадоксальным. Отчасти это фиксируется в самом термине, одновременно указывающем на преодоление и следование, нахождение в рамках традиции и в то же время за ее пределами. Нужно сказать, что само употребление этого обозначения в литературе является очень расплывчатым: прежде всего «пост-марксизм» не является самоназванием (единственное исключение составляют, пожалуй, Э. Лакло и Ш. Муфф) и попасть в эту категорию рискует фактически любая социогуманитарная концепция, которая претендует либо на «трансцендирование» марксизма, либо, напротив, действует в своем контексте те или иные его интуиции. Если попытаться дать какую-то более строгую дефиницию, можно сказать, что в целом «пост-марксизм» представляет собой не столько совокупность теоретических стратегий, сколько определенный тип (само)идентификации, способ нонконформистски настроенных западных интеллектуалов выразить свое отношение к позднему (глобализированному) капитализму. С другой стороны, различными авторами все же выделяется относительно устойчивый ряд современных теоретиков, в числе которых фигурируют Э. Лакло и Ш. Муфф, Д. Козн, А. Горц, А. Хеллер и К. Касториадис. Если вести речь о том, какие элементы марксизма «выживают» в их построениях, таковыми, по всей видимости, будут общая критическая направленность, связанная с неприятием наличного состояния общества, и интуиция социума как последнего, не-трансцендируемого горизонта, задающего предельную рамку существования субъекта и базовое поле его активности. При этом резкой критике подвергаются практически все основные категории и положения ортодоксии, включая идею о детерминации общественных процессов экономическими механизмами и понимание истории как закономерного, телеологически организованного движения. Как пишет С. Торми, «если у пост-марксизма и есть некое подобие "имиджа", то он строится на допущении радикальной контингентности и ситуативности исторического развития, что явным образом предполагает отрицание "необходимостей", которые ему предписывает исторический материализм»¹¹. Абсолютизация историцистской установки, реализуемая у Лакло и Муфф через переосмысление грамшианского понятия гегемонии¹², а у Касториадиса – через концепт социального воображаемого¹³, приводит к значительному политическому «крену» в теории. Здесь трудно делать какие-то заявления генерального характера, но в целом речь идет об определенной дислокации политики с уровня институций и массовых движений на уровень повседневности, когда политика становится делом каждого индивида, претендующего на какую-то степень внутренней свободы. И в этом смысле лозунг антиглобалистов «Думай глобально, действуй локально» оказывается неплохой иллюстрацией для характеристики политических предпочтений «пост-марксизма».

Возвращаясь к вопросу, сформулированному в начале статьи, можно констатировать, что на сегодняшний день марксизм фактически распался, превратившись (по меткому замечанию российского историка Александра Дмитриева) в «фермент» социогуманитарных наук и определенных политических дискурсов, фермент, без учета которого, впрочем, понять происходящее в них брожение едва ли возможно. Уместны ли здесь ностальгические нотки? По всей видимости, нет, потому что марксизм важен для нас не как самоцель, а постольку, поскольку он помогает осмыслить то, что происходит в современном мире. В свое время развал СССР и Восточного блока породил определенного рода эйфорию, выразившуюся в тезисе Фрэнсиса Фукуямы об окончательном торжестве либерального капитализма. С тех пор расстановка сил несколько изменилась, в частности, активные политические выступления антиглобалистов показывают, что говорить о «конце истории» пока не приходится. Марксизм, безусловно, не является единственной формой социального критицизма или единственно возможным способом морального и политического противостояния ценностям консюме-

ризма, но в современных условиях он сохраняет значимость как одна из основных точек отсчета социально ответственного мышления. И в этой связи возвращение к текстам Маркса и шире – к истории «левой» мысли представляется одной из насущных задач.

¹ См.: Марксизм: pro и contra. М., 1992; Howard D. Marxism in the Post-Communist World // Critical Horizons. Feb. 2000. Vol. 1. Iss. 1; Lafferty G. The Dynamics of Change: Class, Politics and Civil Society – From Marx to Post-Marxism // Democracy & Nature. Mar. 2000. Vol. 6. Iss. 1; Tormey S. Post-Marxism, Democracy and the Future of Radical Politics // Democracy & Nature. Mar. 2001. Vol. 7. Iss. 1.

² Подорога В.А. Можно ли отделить мысль Маркса от тоталитарной идеологии? // Марксизм: pro и contra. М., 1992. С. 133.

³ См.: Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994; Рикер П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1996. С. 6; Assoun P.-L. Crise du sujet et modernité philosophique: Marx, Nietzsche, Freud // Encyclopédie philosophique universelle. Paris, 1989. Vol. 1. P. 731–738.

⁴ См.: Labica G. Le marxisme: orthodoxie et hétérodoxie // Encyclopédie philosophique universelle. Paris, 1989. Vol. 1. P. 313.

⁵ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 14–15.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 44.

⁸ Там же. С. 62–63.

⁹ James S. Louis Althusser // The Return of Grand Theory in the Human Sciences. Camb., 1994. P. 143.

¹⁰ Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 31.

¹¹ Tormey S. Ibid. P. 122.

¹² См.: Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. New York, 1985.

¹³ См.: Castoriadis C. Imaginary Institution of Society. Camb., 1987.

Поступила в редакцию 02.06.2003.

Ольга Феликсовна Оришева – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор, декан факультета философии и социальных наук А.И. Зеленкова.

М.Н. ГОЛУБЕВА

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ: КЛАССИЧЕСКИЙ И НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ АНАЛИЗА

Рассматривается влияние классического и неклассического типов рациональности на исследование власти. Выявляются характерные объяснительные схемы и категории, смысловое и тематическое поля анализа данного социального феномена.

The article considers the influence of classical and nonclassical types of rationality on the study of power. Characteristic explanatory schemes and categories, a semantic and thematic fields of the analysis of the given social phenomenon are revealed.

Для современной философии и методологии науки характерным является выделение классического и неклассического типов рациональности и соответственно этапов развития философской и научной мысли. Особый тип мышления, порожденный классическим типом рациональности, распространился за пределы теории познания и в равной степени был характерен для анализа всех остальных сфер жизни человека, включая интерпретацию социальных явлений, а также власти. Задача данной работы – выявление исходных посылок классической и неклассической парадигм исследования данного феномена.

В качестве ключевых принципов, на которых базируется классический тип философствования, отмечаются следующие:

- логоцентризм или характерный для него логический тип рациональности;
- метафизическая установка, связанная с ориентацией на постижение конечных причин и оснований реальности;
- априоризм, опирающийся на претенциозную установку на достижение системного и завершенного знания о естественно упорядоченной, гармоничной и разумной системе «мир – человек»;